

ШКОЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Елена Усачева

Не время для шуток

Только для девчонок

Елена Усачева

Не время для шуток

«ЭКСМО»

2008

Усачева Е. А.

Не время для шуток / Е. А. Усачева — «Эксмо», 2008 — (Только для девчонок)

Олеся и не заметила, как осталась одна. Еще вчера у нее была лучшая подруга и нормальные отношения с классом, а сегодня ее все избегают и хихикают за спиной... Конечно, остается еще Серега Галкин, возомнивший себя ее парнем. Только вот Олесе он совершенно не нужен! Что же делать? Как разобраться в своих чувствах... и заставить других с собой считаться?

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Елена Усачева

НЕ ВРЕМЯ ДЛЯ ШУТОК

Пожелай мне удачи в бою!

Пожелай мне удачи!

Виктор Цой

Глава первая

Ошибка во времени

На улице было не холодно, а как-то промозгло – сколько свитеров на себя ни натягивай, все равно зябко.

Что говорить – Питер, он и есть Питер. А тем более в начале ноября. Хоть на каникулы могли бы подогнать погоду и потеплее.

– Ну, что, братва? – Серега Галкин вышел на крыльцо и тряхнул пачкой сигарет. – Согреемся?

– Ой, посмотрите, брательник какой нашелся! – скривил губы в презрительной усмешке Андрюха Васильев.

Девчонки довольно заулыбались.

– Зажигалка у кого-нибудь есть? – Галкин не заметил васильевской издевки.

– Ты у Маканиной спроси, – посоветовала Лиза Курбаленко, и девчонки снова захихикали.

Услышав свою фамилию, Олеся быстро глянула на ребят. Все с любопытством смотрели на нее – ждали, что скажет. Курбаленко демонстративно выпустила облачко табачного дыма.

Маканина кивнула и отвернулась.

Вот еще выдумали: будет она их развлекать, как же! Подумаешь, все курят, а она – нет. В конце концов, она не обязана быть как все.

– Правильно, Олесенька. – Курбаленко бросила окурочек на землю. – Береги здоровье. Глядишь, когда-нибудь оно тебе понадобится. Если понадобится, конечно.

Послышались смешки.

– Ну а ты, Сидоров, что торчишь? – повернулась Лиза ко второму «некурильщику», Генке Сидорову. Она отогнула от его уха наушник и прислушалась. – Это что за попса? – скривилась Курбаленко.

– Сама ты попса, – отстранился Генка. – Это Цой.

– Ах, ну да! – устало ссутулилась Лиза. – Ты же у нас поклонник ретро.

– Цой вечен, – привычно отозвался Сидоров, пряча наушники в карман. Все в классе знали, что Генку «подсадил» на Цоя старший брат. А кто не знал, тому и не требовалось.

– Ну да, вечен, как египетские пирамиды! – не отставала от Сидорова Курбаленко. – И такой же пыльный.

Ребята с готовностью засмеялись. Шутить над Генкой было легко. Сидоров – странный, никогда не расстаётся с карманным компьютером, «наладонником», он – энциклопедист и вундеркинд, упрямо, из года в год, отказывается переходить в класс старше или сдавать экзамены экстерном. Теперь еще этот Цой... Впрочем, Генка на колкости одноклассников не реагировал. Он всегда был где-то не здесь...

– Что смеетесь? А-а? – На крыльцо выплыла необъемная Людмила Ивановна. – Ой, ой, накурили-то! А ты что, Галкин, улыбаешься? Хоть бы сигарету при мне спрятал.

– Ой, Людмила Ивановна, а мы вас не заметили, – нагло улыбнулся Серега. – Вы так тихо подошли.

Шутка тоже была старая, но ребята все равно держали на лицах натянутые улыбки. В устах неловкого Галкина любая фраза уже звучала смешно.

– Ну ничего, дома тебе отец уши прочистит, лучше станешь слышать, – недовольно покачала головой учительница и тут же забыла о Галкине, повернувшись в другую сторону. – Быковский, а ты почему там застрял? Решил в колонну превратиться?

– Да иду я, иду, – отозвался Павел Быковский, спрыгивая со ступеньки на одной ноге – непослушный шнурок отказывался завязываться. – Там все равно еще Смолова с Цветковой остались.

– Не класс, а тараканы, – вздохнула Людмила Ивановна. – Разбегаетесь кто куда.

– Не тараканы, а червяки, – аккуратно поправила Курбаленко.

– Пять баллов! – довольно зажмурился Васильев. Остальные захмыкали.

9 «Б» носил негласное прозвище Червяки. И все из-за того, что у их классного руководителя была фамилия Червяков.

Бывает. Встречаются фамилии и покруче.

Кличка была обидная, но учителей, как и все остальное в этой жизни, не выбирают, их спускает с неба безжалостное провидение.

Юрий Леонидович Червяков преподавал математику, и ничего, кроме математических формул, геометрических теорем и схем, его не интересовало. Поэтому никто не удивился, когда перед самой поездкой класса в Питер на осенние каникулы он заболел. Сдалась ему эта «колыбель революции»! В город на Неве неуправляемый 9-й «Б» повезла химичка Людмила Ивановна. В поезде она пожалела об этом, но деваться было уже некуда.

– А ты, Маканина, почему без шапки? Заболеть хочешь? – Людмила Ивановна предпочла пропустить шутку о червяках мимо ушей.

Олеся послушно потянула из кармана кепку.

– Ну, чего вы ждете? – позвала своих подопечных химичка, направляясь в сторону автобусной остановки. – Идем. Не стойте на ветру.

Послушались ее не сразу. Еще какое-то время народ переминался с ноги на ногу, словно боялся сойти с крыльца и выйти на пронизывающий питерский ветер.

– Ну ладно, уговорила. – Галкин растоптал окурки и первым сбежал по ступенькам. – Маканина, не стой! Замерзнешь! И шапку, шапку получше натяни. – Мимоходом он сдернул козырек Олесяной кепки на нос.

– Ну, ты! – вскинула руки Олеся, но Галкин уже убежал, и Маканиной оставалось только ловить воздух.

– Настроение какое-то паршивое, – зябко передернула плечами Лиза.

– Холодно, – согласилась Олеся, пристраиваясь рядом с Курбаленко, на ходу поправляя непокорные рыжие кудри, не желавшие прятаться под кепку.

– Надоело все, – тяжело вздохнула Лиза. – Дубняк, развлечений никаких. Какого черта мы поперлись в этот Питер?

– Так ведь классно – Эрмитаж, Невский, – робко улыбнулась Олеся.

– Какой, к черту, Невский? – Красивое Лизино лицо перекосила злая усмешка. – Мы бы сюда еще в минус двадцать приехали! Тоже, я тебе скажу, удовольствие.

Олеся засунула руки глубже в карманы и промолчала. По утрам Лиза обычно пребывала в ворчливом настроении, в это время с ней лучше было не спорить.

– Автобус! – донеслось издали, и ученики девятого «Б» класса обыкновенной московской школы сорвались с места. Рядом с Олесей тяжело бухал ногами Галкин, он был поразительно неуклюжим. Курбаленко отстала. Она всегда плохо бегала. Впереди несся Быковский. Он взлетел на подножку автобуса, заклинил дверь ногой и стал радостно махать рукой.

Все, можно было не спешить. Этот автобус от них не уйдет.

Быковского Олеса про себя называла человеком-удачей. Ему во всем везло – в жизни, в учебе, с родителями. И ничего удивительного, что до автобуса первым добежал именно он. Скорее, было бы странно, если бы это сделал кто-то другой.

– А вот мы летом были в Питере, – завела разговор Ксюша Рязанкина, как только все расселись на продавленных автобусных диванах. – Жили прямо на Невском. До любого музея – два шага, никакого тебе общественного транспорта.

– Ага, и стоило это немерено рэ, – то ли с завистью, то ли с грустью отозвался Галкин. На поездку он сам собирал деньги и до последнего не знал, сможет ли оплатить хотя бы билет на поезд.

– Да, Ксюшенька, приходится тебе с нами, простыми смертными, мыкаться, – притворно посочувствовала ей Курбаленко. – Скучает без тебя твоя машина с водителем? Рыдает горячими слезами: «Где там моя Ксюшенька? Почему ко мне не едет?»

– Подумаешь, – скривила губки Рязанкина и спрятала нос в меховом воротнике куртки. – Надо иногда и с народом побыть.

– Нам оказали честь, – склонил голову Быковский.

– О! – Васильев поднял вверх палец. – До нас снизошли.

– Как много непривычных для тебя слов, – скорчила недовольную мордочку Ксюша.

– Помнится, поход народников в массы закончился плохо – их всех перебил тот же самый народ, – буркнул Генка Сидоров, и все удивленно на него посмотрели. Генка обычно молчит, а тут он вдруг разразился целой тирадой. Ай, ай, ай, быть дождю!

– Людмила Ивановна, а сегодня мы куда? – сменила тему разговора Ксюша.

– Я утром говорила! – устало отозвалась химичка. – Рязанкина, ты чем слушала?

– А у нее живот болел, она в туалете была, – выступил вперед главный шутник класса Андрюха Васильев. – Для больных почему бы второй раз не повторить?

– Ой, ладно тебе, ладно, – отмахнулась от Васильева Людмила Ивановна. – Я вижу, у вас здесь много глухих? Для них повторяю – мы сегодня идем в Русский музей и в Павловский дворец.

– Ну, вот так всегда, – горестно покачал головой Васильев, схватившись за щеку. – Для глухих повторили, а для тупых? Опять нас обделяют?

– Тебя обделишь, – раздраженно посмотрела на Андрюху Людмила Ивановна и отвернулась. Она давно уже перестала бороться с 9-м «Б», считая их потерянными для общества людьми.

– Господи, зачем мы сюда поехали? – заканючила Лиза. – Хоть бы одна интересная экскурсия!

– Тебе все дискотеки подавай! – Людмила Ивановна начинала злиться.

– Мне? – как ни в чем не бывало отозвалась Курбаленко. – Вон у нас Сидоров очень музыку любит. Давайте сходим в консерваторию. Она тут есть?

– Курбаленко, отвали! – бросил Генка, не отрываясь от «наладонника».

– А что? – тряхнула головой Лиза. – Цой – это хорошо!

– А ведь он, кажется, где-то здесь похоронен, в Питере? – нахмурила бровки Ксюша.

– В Питере, в Питере, – кивнул Васильев. – А тебе, Рязанкина, на кладбище захотелось? Так это я тебе и без Цоя устрою. В два приема.

– Дурак! – Ксюша снова спрятала лицо в воротник.

– А это неплохая идея! – крутанулся на пятках Андрюха, торжественно оглядывая потихоньку примерзших к сиденьям одноклассников. – Не сгонять ли нам к Витеньке?

– К кому? – Галкин прервал свое занятие – изучение серых улиц города сквозь грязное автобусное стекло.

– Серега, не напрягайся, – погладила его по плечу Курбаленко. – Тебе вредно. Еще закипишь!

Вокруг захихикали.

– Ладно вам, – смутился Галкин. – Может, я с вами пойду...

– Куда это вы собрались? – словно вынырнула из небытия Людмила Ивановна. – Я же говорила: сначала идем в Русский музей.

– А это филиал Русского, – тут же встрял Васильев. – В музее картины, а на кладбище – те, кто их нарисовал.

– Все сказал? – махнула рукой Людмила Ивановна. Это был ее постоянный жест, когда ее что-то раздражало. – А теперь помолчи. Вы хоть знаете, где это кладбище находится? Может, оно где-нибудь за городом.

– Да ладно, за городом... – протянул Васильев. – Узнать легче легкого. Гена!

Бледный Генка Сидоров посмотрел на Андрюху сквозь толстые линзы очков.

– Гена, сделай общественно-полезное дело, – ласковым голосом заговорил Андрюха, при этом так низко нависая над тощим Сидоровым, что отказаться у того просто не было возможности. – Глянь в своей чудо-технике, где Цой похоронен?

Сидоров покорно вынул руку из кармана, откинул крышку «наладонника», черный карандашик ткнулся в оживший экран.

Олеся с тревогой смотрела на ловко прыгающий по экрану карандаш. Она терпеть не могла кладбища, боялась осуждающих взглядов покойников с надгробных плит, поэтому очень надеялась, что Сидоров ничего не найдет.

– На Богословском. Ехать сначала на метро, потом на автобусе.

– Ну что, народ, припадем к истокам рок-музыки? – торжественно оглядел собравшихся Васильев. – Нарушим, так сказать, программу!

– Давайте, давайте, – раздалось из мехового воротника. – А то я в этом Русском музее уже два раза была.

– Ну вот, тем более Рязанкина в музей не хочет! – кричал на весь автобус Андрюха. – Сидоров, ты с нами?

– С вами, – еле слышно отозвался Генка, что-то увлеченно выискивая в своем компьютере.

Остальные согласно закивали. Быковский негромко засвистел мелодию из песни «Группа крови».

– Ну, и что это за митинг? – Людмила Ивановна решила вклинуться в назревающий разговор. – Что вы забыли на кладбище? У нас уже экскурсия заказана. Быковский, перестань свистеть! Ты в автобусе находишься или где?

– Людмила Ивановна, Пашенька у нас всегда не здесь, а в высших сферах, – хихикнула Курбаленко, намекая на то, что Павел уже который год одновременно учился в музыкальной и художественной школах. Причем и там и там – с отличием.

– Вы мне тут пошутите! – устало шевельнула рукой химичка.

– Людмила Ивановна, что поделатъ, если большинство за то, чтобы перенести экскурсию на кладбище? – Васильев сделал невинное лицо.

– А я не хочу на кладбище, – негромко произнесла Олеся. – И Цой мне не нравится.

– Да что за Цой, вообще? – поддержал Маканину Галкин. – Что-то я его не помню.

– Правильно, Серега, – скривила пухлые губы Курбаленко, – тебе всех помнить необязательно. Ограничься таблицей умножения.

– Что за ботва? – Галкин не любил, когда над ним смеялись. – Сказать, что ли, сложно, что за Цой такой?

– А вы говорите, большинство, – решила воспользоваться ситуацией Людмила Ивановна. – Вот Маканина с Галкиным не хотят ехать.

– Галкин, ты что? – Васильев покрутил пальцем у виска. – Цой – известный певец, группу «Кино» создал. «Звезда по имени Солнце», «Восьмиклассница». Не слышал, что ли?

– Попса какая-то... – Серега и не заметил, что повторил слова Курбаленко.

– Сам ты попса! – вспыхнул Сидоров.

– Ага! – захохотал Быковский, единственный среди всех разбирающийся в музыке. – Попса и есть!

– Что, и ты не с нами? – ахнул Андрюха. Без Павла все их предприятие могло не состояться.

Быковский перевел взгляд с Олеси на Серегу, потом обратно и сокрушенно покачал головой.

– Я, конечно, кладбище выбираю, – громко произнес он. – А то с такой компанией, как эта, – он кивнул в сторону Маканиной, – вообще неизвестно, где окажешься. Там хоть клиенты спокойные, а здесь буйные.

Олеся посмотрела на Курбаленко. Лиза смеялась, довольная шуткой. Это особенно задело. Все-таки подруга...

Галкин сжал кулаки и приподнялся с сиденья.

– Эй, эй! – Людмила Ивановна выкинула руку в его сторону. – Вы еще подеритесь! Вместо кладбища в милиции окажетесь. Что же я, разорвусь, если кто-то в одну сторону поедет, а остальные – в другую?

– А вы отдайте наши билеты в музей Галкину с Маканиной, – посоветовала Рязанкина. – Пусть культурно просвещаются на пару.

Это предложение особенно развеселило ребят. Каждый попытался представить себе, что Галкин будет делать в музее? На картинах мух ловить?

Олеся толкнула под локоть Курбаленко:

– Лиза, тебе-то зачем это кладбище сдалось? Давно могил не видела?

– Это ты почему уперлась со своим «не хочу»? – фыркнула Лиза. – Все идут на кладбище, и ты иди. Или опять выпендриваться собираешься?

– Я кладбища терпеть не могу, – зашептала в ответ Олеся. – Да еще тащиться из-за какого-то Цоя через весь город по холоду!

– Ничего ты не понимаешь, Маканина. – Лицо Лизы опять стало злым. – Шла бы со всеми и молчала. Сдался тебе этот Галкин!

Олеся хотела ответить Курбаленко, что Галкин тут ни при чем. Если бы Лиза осталась, они неплохо провели бы время. Необязательно идти в музей, можно просто по городу побродить.

Но Олеся промолчала. Вряд ли Лиза согласится, она всегда была за коллектив.

– Быстрые какие, уже все решили! – Людмила Ивановна еще пыталась помешать нарушению программы. – Я пока не давала своего согласия. Не могу же я Маканину с Галкиным просто так оставить?

– «А если я утону, а если пойду я ко дну? Что станется с ними, с больными, с моими зверями лесными?» – писклявым голосом процитировал известный стишок Васильев. – Людмила Ивановна, они не дети! Найдут чем заняться. – И многозначительно подмигнул.

Народ радостно загикал.

– Айболит недобитый, – прошептала Олеся и покосилась на Галкина.

Высоченный Серега напряженно смотрел на Андрюху. Шутки он не понял.

– Маканина, может быть, ты все-таки пойдешь со всеми? – без всякой надежды спросила Людмила Ивановна. – Что ты упрямишься?

– Олечка! – Андрюха протянул вперед руку и закатил глаза. – Не покидай нас, не лишай надежды...

Маканина плотнее сжала губы и отвернулась. Сколько можно смеяться над одной и той же шуткой?

– С тобой, Галкин, и говорить нечего, – продолжала обрабатывать своих подопечных химичка. – Ты, конечно же, пойдешь в Русский музей?

– А что? – добродушно прогудел Серега. – Можно и в музей сходить. Что там дают?

В ответ раздался дружный хохот. Все наперебой стали рассказывать Галкину, что можно получить в музее, и, когда дошли уже до самых фантастических предложений, автобус остановился у станции метро.

– Решили, значит, да? – Людмила Ивановна отсчитала от общих денег несколько купюр и протянула Олесе. – Ну, смотри, Маканина, если что-то случится...

– Уа, уа, уа, – на ухо Олесе проорал Васильев, подражая крику младенца.

– Так! – шагнула вперед учительница. – Все уже в метро спустились! Ты что здесь делаешь?

Андрюха оттолкнул замешкавшуюся Курбаленко и нырнул в стеклянную дверь. Лиза покрутила пальцем у виска и тоже скрылась в метро.

Олеся до последнего надеялась, что подруга передумает и останется с ней. Но Курбаленко даже не оглянулась.

Все ушли. Глубоко под землей, под ногами, прошел поезд. Слева от Олеси вздохнули. Это был Галкин. Он не растворился, не испарился, не улетучился, как того желала Маканина. Серега стоял рядом, равнодушно разглядывая пробежавших мимо людей.

– Тебе необязательно за мной ходить, – буркнула Олеся, рассчитывая, что Серега найдет себе какое-нибудь более достойное занятие, чем посещение музея.

– Я чего, один останусь? – замотал головой Галкин. – Не, пошли вместе. Один я потеряюсь.

– А где тут теряться? Выйдешь на Невский – и по прямой, никуда не сворачивая.

Но Серега не сдавался, упорно идя следом за ней. Только сейчас Маканина поняла весь ужас своего положения. Ладно бы – все ушли, а она осталась. Не найдет Олеся, чем ей заняться, что ли? В конце концов, Русский музей – не самое худшее место на земле, там скучно не бывает. Но что она будет делать вдвоем с Серегой? Картины смотреть? Галкин и картины – две вещи несовместимые!

Маканина покосилась на одноклассника. Серегу можно было назвать красивым – высокий, хорошо сложенный, с правильными чертами лица, нос с небольшой горбинкой, серые глаза, светлые волосы. При всех других обстоятельствах он был бы завидной компанией, но...

Но это был Галкин, и этим все сказано.

– Тогда пошли в музей, – жестко произнесла Олеся, направляясь к дверям.

– В музей? – разочарованно протянул Серега.

Как будто у них были другие варианты!

Галкин продержался до последнего. Увидев большое крыльцо, фасад с колоннами, гипсовых львов у входа, он остановился.

– Слушай, – пробормотал Серега. – Я, пожалуй, обратно пойду. Дорогу я запомнил. Если что, вернусь. Тебе же Людмила оставила деньги на обед? Ты мне отдай мою половину, ладно? Когда мы со всеми встречаемся?

– В два около метро. – Маканина постаралась вложить в голос как можно больше равнодушия, чтобы случайно не вырвался крик радости – ее оставляют одну!

– Ну все, до двух!

Олеся до того обрадовалась, что сгоряча отдала Сереге и свои деньги на обед, лишь бы избавиться от такой компании.

В музей она не вошла, а влетела. Не глядя, пробежала несколько залов.

Остановилась. Можно больше не спешить. Медленно прошла вдоль ряда картин, узнавая многие по репродукциям в журналах и учебниках. Попыталась задержаться около экскурсии, но на нее так посмотрели, что Олеся тут же отстала. Для этой группы она была чужой. Прислушалась к повествованию другого экскурсовода, но он уже заканчивал свое выступление и отправился в другой зал. Маканина машинально пошла следом, но ее толкнули, обгоняя, и она остановилась.

Рядом засмеялись. Парень с девушкой стояли около картины. Он ей что-то негромко говорил, показывая рукой на полотно, а она улыбалась.

Олеся решительным шагом двинулась вперед, ходьбой заглушая глупые мысли, лезшие в голову.

Новый зал оказался еще больше предыдущего. Высоченный потолок, ряды картин, терявшиеся в перспективе. И – люди, люди, люди...

Маканина почувствовала, что она – одна. Совсем одна в этом людском водовороте. Она уже готова была доплатить, только бы рядом оказался кто-нибудь из своих, да пусть тот же Галкин. Ходить по залам в одиночестве оказалось тяжелым занятием. Она не столько на картины смотрела, сколько на посетителей. Все они с большим удовольствием разглядывали произведения искусства и понимающе качали головами. Они что-то в этом видели. Олеся же просто водила взглядом по стенам, ничего толком не понимая.

Тогда, чтобы хоть на чем-то сосредоточиться, она стала читать подписи к картинам. Суриков, Айвазовский, Кипренский, Шишкин. Родился, женился, умер.

Тоска.

Часовая стрелка ползла поразительно лениво.

Маканина никогда не замечала, как это тяжело – вдруг остаться одной. Права была Лиза, лучше бы Олеся поехала со всеми. Совершенно необязательно бродить по кладбищу. Постояла бы неподалеку от своих, послушала птичек.

Олеся принудила себя взглянуть на картину, перед которой стояла. «Мальчики». Серов.

«Им хорошо, они вдвоем, хоть и скучают», – мысли мгновенно вернулись в прежнее русло. Будь рядом с ней Лиза, они бы не тосковали.

Так, все ясно, мир изобразительного искусства в нее сегодня не поместится. Самое время заняться чем-нибудь более полезным. Олеся выбралась из музея, с сочувствием посмотрела на промерзших гипсовых львов и отправилась искать кафе.

Но далеко не ушла. За первым же поворотом она столкнулась с Галкиным. Он сидел на приступочке и мял мощными руками жестяную банку.

– О! Маканина! – добродушно протянул он. – Ну что, напиталась прекрасным?

– Ты что здесь делаешь? – ахнула Олеся. Одно дело – мечтать, чтобы рядом кто-то оказался, и другое – столкнуться с Галкиным в реальности.

– Пиво пью, – флегматично отозвался Серега.

– На все деньги? – Маканина сегодня, похоже, специализировалась по глупым вопросам.

– Не, на половину я одну банку купил, – хохотнул Галкин. – А на другую половину – вторую.

Олеся растерянно оглянулась. Встать Серега, судя по всему, не собирался. А бросать его одного в таком радужном состоянии Олеся боялась. Потеряется еще, где его потом искать? А спросят с нее, ушли-то они вместе.

– Может, пойдем куда-нибудь? – От одного взгляда на распахнутую куртку Галкина становилось зябко.

– А че идти-то? – басил Серега. Ему было до того хорошо, что он не следил за собой, поэтому не говорил нормально, а орал на всю улицу. – До двух еще далеко!

– Так нам и идти далеко, – попыталась обмануть одноклассника Олеся.

– Успеем, – отмахнулся Серега.

Маканина отошла в сторону. Она Галкину не нянька, чтобы над ним стоять! Не маленький, не пропадет. Да и проучить надо этого балбеса. Пусть в следующий раз думает, что творит.

Олеся решительно повернулась спиной к бестолковому однокласснику и уже сделала первый шаг, но тут в толпе прохожих заметила серую куртку и такую же шапку.

Милиция!

Не хватает еще, чтобы Галкина забрали в отделение. Вся поездка тогда насмарку пойдет!

Олеся взглянула на часы. Было чуть больше двенадцати.

Ну, почему, почему она не поехала вместе со всеми!

Замерзшие пальцы не слушались, и у нее никак не получалось подцепить головку механизма, регулирующего стрелки. Но вот, наконец, они сдвинулись с места. Сначала не в ту сторону, а потом в нужную. На полтора часа вперед.

– Галкин, пошли! – Она ткнула ему под нос часы, которые показывали теперь без пятнадцати два. – А то опоздаем!

– Ё-мое! – искренне удивился Серега, пытаясь сфокусироваться на бледно-розовом циферблате с еле заметными серебряными стрелочками. – Это уже столько времени?

– Столько, столько!

Олеся потянула Галкина за собой и быстро огляделась. Серой шапки пока заметно не было, но не исключено, что она вынырнет из толпы в любую минуту.

– Ну, что ты сидишь?

Маканина разозлилась. Серега был неподъемным. К тому же ее суета вокруг здорового парня начинала привлекать внимание прохожих.

– Шевелись! Нас ругать будут.

– Иду! – Галкин тяжело поднялся и с недоверием посмотрел на одноклассницу. – А ты не врешь? – нахмурился он, шаря по карманам в поиске мобильного телефона, чтобы проверить время.

«Вот параноик, блин! – мысленно чертыхнулась Олеся. – Чтоб я еще хоть раз с ним связалась!»

Пришлось взять Серегу за руку, чтобы он не достал свой сотовый.

Дорога до метро показалась ей бесконечной. Галкин постоянно останавливался и пытался узнать у встречных точное время. А она тянула его вперед. Кто-то просто смеялся, кто-то зло качал головой, другие обходили парочку стороной.

А время, словно издеваясь над Олесей, не желало идти вперед. Минутная стрелка потерялась или прилипла где-то между «шестью» и «двенадцатью». Часовая безнадежно заснула, и Маканина провалилась в вязкое состояние безвременья.

Глава вторая

Сорванная экскурсия

– Ну что? Что это такое? – возмущалась Людмила Ивановна. Больше она ничего сказать не могла. Ситуация была патовая. Стоявший перед ней Галкин еле держался на ногах – от долгого ожидания его сильно развезло.

А все потому, что ни в четырнадцать часов, ни в пятнадцать никто не пришел. Олесе пришлось битых три часа удерживать Галкина около станции метро. Они ходили кругами, иногда грелись в ближайшем кафе, а одноклассников все не было.

Когда в шестнадцать из дверей станции показались ребята, Маканина решила, что у нее начались галлюцинации. Сорвавшийся с места Галкин убедил ее, что перед ней не видения, все – на самом деле. И тут она почувствовала, как устала.

– Неплохо время провели, – хмыкнула Курбаленко, проходя мимо и кивая в сторону предельно веселого Сереги.

– Да у вас как все интересно! – Васильев двинулся к Маканиной с распростертыми объятьями. – Я уже начинаю жалеть, что не пошел с вами. Это на него так картины подействовали? – спросил он, с искренним изумлением глядя на Галкина, которого со всех сторон обступили хихикающие ребята.

Посещение кладбища им явно пошло на пользу: народ взбодрился и повеселел.

– А теперь рубанем по музеям! – довольно потер руки Андрюха. – Кстати, Маканина, ты много потеряла, что не поехала с нами. Там около кладбища есть такой классный ресторанчик...

– Где подают отбивные из свежепредставленных покойников, – закончила Лиза. Судя по тому, что ее шутке остальные только улыбнулись, звучала она не первый раз. – А что у тебя?

– Музей как музей. – пожалала плечами Олеся. – Без покойников.

Она до того утомилась, что даже злиться на ребят не могла. Ладно, пускай говорят, что хотят, лишь бы не исчезали и не оставляли ее одну с Галкиным.

– Шапку надень, – с какой-то обреченностью бросила в ее сторону Людмила Ивановна.

– Олька! А классно мы с тобой! – повис на ней счастливый Галкин. – И вообще, народ, все так замечательно!

– Ну, что вы стоите? Берите его! Пошли. – Химичка выжидательно посмотрела на Олеся. – Ну, что, что? – привычно развела она руками. – Двигайся, Маканина! Или ты ждешь, пока нас всех в милицию заберут?

Олеся беспомощно оглянулась на ребят. Никто даже не смотрел на нее. Все по-деловому копались в карманах и сумках в поисках проездных – надо было снова спускаться в метро.

Остаток дня прошел для Олеся как в тумане.

Вернулись обратно. По дороге было решено поужинать в гостинице. Вернее, даже не поужинать, а просто попить чаю – все наелись в ресторане. Олеся не возражала. Ей не хотелось есть. Ей ничего не хотелось. Она плелась следом за одноклассниками, чувствуя неприятную слабость в ногах. Тревожные молоточки стучали в голове, рождая неприятные мысли об одиночестве, несправедливости и человеческой жестокости.

Но все это было не то, не то!

Народ разбрелся по этажам. Не дожидаясь чая, Маканина забралась в спальник. Голова гудела все сильнее. Как назло, на глаза ей постоянно попадался Галкин. Он что-то говорил, активно размахивая руками, и непрерывно смеялся. Олеся смотрела на него словно через стенку аквариума. И мысли были мутными, неспешными, как будто они пробивались к ней через толщу воды.

«Глупый и некрасивый», – выплыло откуда-то. Почему-то сейчас Галкин казался ей особенно уродливым – и эти свалявшиеся вихры, и этот постоянно рассеянный взгляд, и эти правильные, но какие-то неаккуратные черты лица, и эта неопрятность в одежде.

«Нет, некрасивый».

Мимо прошел Быковский, в ушах у него были наушники. Он дергал головой в такт музыке и негромко подпевал: «Тум-тум-тум». Олеся вспомнила слова песни: «Группа крови на рукаве. Твой порядковый номер на рукаве. Пожелай мне удачи в бою. Пожелай мне-е-е удачи».

Курбаленко шушукалась с Рязанкиной, стреляя глазками в сторону Олеси, при этом Лиза удивленно вскидывала бровь, словно видела Маканину впервые.

Эх, ты, подруга... А ведь когда-то Курбаленко и дня не могла прожить без Олеси. Они дружили сто лет, еще с детского сада. Как говорится, сидели на соседних горшках. У них все было общее, даже игрушки. Но время шло, и что-то в их отношениях разладилось. Оказывается, пока ты маленький, дружить легко. Когда взрослеешь, все сложнее и тяжелее находить общие интересы. Лиза как-то незаметно стала красавицей и из скромного середнячка уверенно перемещалась в ранг избранных. Олеся так и оставалась «гадким утенком», поэтому сидела на скамейке запасных, в андеграунде. Какая уж тут дружба?

Маканина закрыла глаза: сил больше не было на все это смотреть. Ей стало невыносимо тяжело, а голова почему-то гудела все сильнее. В ее памяти упорно застрял Галкин со своей глупой ухмылкой. Он ходил вокруг нее и что-то говорил: «Бу-бу-бу!» Длилось это бесконечно долго. А потом наступила тишина, и Олеся испуганно открыла глаза.

Никого не было. Куда-то исчезли Курбаленко с Ксюшей, еще минуту назад сидевшие на подоконнике. Галкин, Быковский, хмурый Сидоров, девчонки, колдовавшие над кружками с чаем, – все пропали с глаз долой.

Это она что же, заснула? Уже наступило завтра? Где все? И который час?

Комната была пуста. Это было неожиданно и странно. Может, произошла катастрофа и все погибли?

– Ну, что?

Олеся вздрогнула. Она и не заметила, что около окна, сливаясь со шторой цветом пальто, стоит Людмила Ивановна.

– Проснулась? – Химичка покинула свой наблюдательный пост и подошла к Маканиной. – А я уж думала, ты весь день проспешь. Как вчера уснула, так и... Заболела, голубушка? Лечись, я тут лекарства оставила. – Она пододвинула ближе к Олесе уставленную баночками и упаковками табуретку. – Пей побольше. А мы пошли. У нас сегодня Царское Село. Экскурсия заказана, пропускать нельзя. Ты лежи, не вставай. Вот тут тебе вода, печенье. Мы вечером вернемся.

Маканина непонимающе смотрела на учительницу.

Зачем нужно печенье в Царском Селе? Как они повезут стакан воды в автобусе? Он же прольется.

Под Людмилой Ивановной жалобно скрипнул пол, тяжелым лайнером она поплыла к двери и исчезла за ней.

Олеся с трудом села. Окружающая ее действительность, включающая стены и потолок, чуть качнулась.

Неужели она и правда заболела? Как некстати... С чего бы это?

«Шапку надень!» – зазвучал в ее ушах голос химички.

Это она около метро замерзла. Прыгала вокруг этого дурака Галкина и не заметила, как простыла...

А все, значит, ушли. И даже Лиза не осталась. Хотя что она бы здесь делала? Смотрела бы, как Маканина спит? Что же, Царское Село ничем не отличается от кладбища – та же память предков.

Олеся медленно оглядела голые стены. То ли от температуры, то ли после длительного сна ей все виделось в мерцающей радужной оболочке, словно предметы, на которые она смотрела, испускали тайное сияние.

Жили они в школе. Называется этот способ, кажется, «побратимы» – когда школы из разных городов дружат между собой, поздравляют друг друга со всеми праздниками и время от времени обмениваются ученическими десантами. От центра далековато, зато бесплатно – многие и так с трудом собрали деньги на билеты и на еду.

Встретив их во дворе, питерская директриса сразу предупредила, что дальше второго этажа, где их поселят, ходить нельзя. Но в первый же вечер народ расплодился по всему зданию. На третьем этаже кто-то разбил горшок с цветком. В кладовке уборщицы ребята нашли с десятка веников и устроили рыцарский турнир. Победил, естественно, Быковский. Потом долго носились по лестницам, с наслаждением прислушиваясь к многоголосому эху пустых коридоров.

В выделенном им классе мальчишки первым делом составили парты вдоль шкафов, стулья приспособили под спальные места, те, у кого с собой были спальные мешки, расстелили их на полу. Весь учительский стол заняли кружки и разномастные миски. Завтракали они всегда в школе. Для этого Людмила Ивановна привезла с собой электрический чайник, плитку и большую кастрюлю. И теперь каждое утро их встречало не только бутербродами, но и овсяной кашей, а один раз даже сосиски были. Бивачная жизнь всем страшно нравилась. Даже привередливая Рязанкина, получая свою порцию каши, довольно грела руки о горячие бока миски – дома о такой экзотике она не могла и мечтать.

Тяжелее было с мытьем посуды. Вода в школе почему-то была только холодная, и оттирать со стенок мисок остатки каши под тоненькой струйкой было не очень-то приятно. После завтрака и торопливой уборки все выбирались на улицу и отправлялись на запланированные экскурсии. Вечером пили чай, торчали перед телевизором, резались в карты, гоняли по коридорам случайно найденный в одном из классов маленький мячик. Попытки загнать всех спать хотя бы в двенадцать ночи каждый раз заканчивались полным провалом. Людмила Ивановна долго ходила по этажам, шарахаясь от внезапно выбегавших из темноты девятиклассников, тяжело вздыхала, качала головой. К часу ночи уставший народ укладывался сам. Еще какое-то время все говорили ни о чем, потом засыпали.

Олеся последний раз окинула взглядом класс и откинулась на свою импровизированную подушку, состоящую из двух свернутых свитеров.

Они неплохо проводили здесь время, им было весело, невероятно свободно и легко. Дома, в своей школе, они так вольно не общались. Поэтому сейчас ей было обидно, что все это закончилось, что своей простудой и неудачной экскурсией на пару с Галкиным она испортила отношения, складывающиеся у нее с ребятами. Народ воспринимал Маканину нормально: ее не травили, над ней и о ней не злословили, ее не гоняли, как толстую Марго, не записывали в игнор, как это сделали однажды с Плотниковой. А что теперь? Все кончилось? Ребята там, на улице. Они вместе, им хорошо. А она здесь, одна. И навеки обречена быть одна!

По коридору пробухали шаги. Вряд ли Курбаленко станет так топтать, но все же...

– А-а-а, – протянул ворвавшийся в класс Галкин, словно ожидал увидеть не Маканину, а как минимум принцессу Диану. – Людмила говорит, ты проснулась, я и сунулся к тебе. Ну, чего?

– Ничего. – Олеся отвела взгляд. Смотреть на Серегу было тяжело. Выглядел он здоровее вчерашнего, румянец заливал щеки. Прогулка около метро ему пошла на пользу.

– А я, это... – Галкин покосился на дверь. – Что вчера-то случилось?

Олеся сама слабо помнила, что было вчера, поэтому равнодушно пожала плечами.

– А-а-а, – снова протянул Серега. – А ты как одна-то? Справишься?

Маканина продолжала молчать – еще не хватало, чтобы Галкин решил изобразить из себя сестру милосердия и уселся на весь день у постели умирающей.

– Слушай, тут такое дело... – Галкин покосился на дверь. – Ты мне денег не дашь? Рублей сто.

Олеся с тоской посмотрела в окно. С улицы доносился бодрый голос Васильева.

«Почему, почему все это свалилось на меня одну? – мелькнуло в голове. – Почему этим „счастьем“ не одарили Рязанкину или Курбаленко? Я бы с удовольствием с ними поделилась».

– Ну, это, чего? – вернул ее к действительности Галкин. – Или нет?

Олеся потянула к себе сумку. Где-то у нее эти самые сто рублей лежали...

Простучали по коридору шаги теперь уже убегающего Сереги. Хлопнула входная дверь. За окном раздались радостные голоса.

Обсуждений теперь будет – на весь день. Как же! Галкин бегал прощаться с больной Маканиной! Почему же Лиза не осталась? Подруги ведь.

Температура медленно ползла вверх. Внутри все становилось тяжелым и расплавленным, а реальность вокруг – легкой и прозрачной. Память упрямо подсовывала картинки вчерашнего дня. Лиза в автобусе садится рядом с Рязанкиной, шепчется с Васильевым, берет «наладонник» у Сидорова, вертит в руках новый фотоаппарат Аньки Смоловой. Сама Олеся при этом находится где-то в стороне.

«Подумаешь, Лиза всегда такой была», – шепчет Маканина и поворачивается на другой бок.

А какой она была?

Голова горит, где-то под волосами сидит маленький дятел и долбит острым клювом в затылок. Больно-то как...

Вот сейчас они едут в автобусе, потом спустятся в метро, у Зимнего сядут в другой автобус, и он повезет их в Царское Село. И всем будет весело. Васильев, как всегда, примется развлекать одноклассников глупыми шуточками. Галкин будет непонимающе хмыкать. Сидоров, тоже как всегда, засопит над своим компьютером. Людмила Ивановна устало уставится в окно.

Без нее!

Им всем хорошо без нее, без Олеси Маканиной.

Почему так?

Хотелось плакать.

Еще не окончательно заболевшая часть сознания пыталась пробиться на поверхность, доказать, что все не так плохо. Что это только болезнь и одиночество. Больше ничего.

Но мозг упорно твердил – надо действовать, нужны свершения, пора обращать на себя внимание.

Подстричься, что ли, налысо? Или покраситься в зеленый цвет?

Однажды, когда ей было плохо, когда мать сказала: «Так получилось» – и ушла от них навсегда, Маканина поменяла имя: с тупого «Ольга» на красивое «Олеся». Что бы такое еще поменять?

Она уснула, но и во сне продолжала доказывать: она не виновата в том, что Галкин – дурак. Сон ее был до того глубок, что она не услышала, когда все вернулись.

– Маканина! Вот откуда у Галкина деньги? Ведь это скандал! Он в музей с бутылкой пришел!

Когда второй раз на дню твое пробуждение сопровождается видение учительницы, это уже можно считать дурным знаком.

На этот раз Людмила Ивановна была просто в бешенстве.

– Какие деньги? – простонала Олеся. Почему ее не хотят оставить в покое? Откуда опять взялся Галкин?

– На что он покупал пиво?

Маканина окончательно проснулась и села. В класс заходили расстроенные ребята. Один Галкин был, как всегда, весел. Олеся вспомнила его вчерашнее настроение.

– Ну ты, Олеська, совсем с головой распрощалась. – Лиза опустила на стул и раздраженно перекинула ногу на ногу. – Ему же деньги давать нельзя. Он на башку слабый.

– Он попросил... – Температура чуть спала, но во всем теле ощущалась слабость – не хотелось ни говорить, ни двигаться.

– Он бы у тебя еще что-нибудь попросил! – Курбаленко с такой энергией закрыла сумку, что «молния» взвизгнула. – Меньше бы проблем было.

Лиза была раздражена, и Олеся не понимала, почему. Вроде бы она ничего не сделала – лежит себе, болеет. Заболела-то она по их вине! Обещали в два прийти, а сами... Пусть на самих себя и обижаются. Не надо было придумывать эту дурацкую поездку на кладбище. Хотели развлечений – вот и получили. У нее попросили денег – она дала. А на что их потратили – это уже не ее забота.

– Зато прокатились с ветерком, – довольно улыбался Васильев. – На скорости шестьдесят туда и на ста двадцати обратно.

Галкин сидел на подоконнике и делал вид, что его этот разговор не касается. Сейчас ему было хорошо.

– Ой, ой, он еще улыбается! – Людмила Ивановна слабым движением руки попыталась столкнуть Серегу с подоконника. – Хоть бы извинился перед классом. Вот достались вы мне в наказание!

Рядом с Олесей присела Ксюша. Подозрительно долго смотрела в окно, а потом заговорила:

– На что ты надеялась? Он же не отдаст. Или он тебе пообещал что-нибудь?

– Что пообещал?

Олеся не могла отвести взгляда от Ксюшиной руки, свисающей как раз перед ее глазами. Ногти у Рязанкиной были аккуратно обработаны и покрашены ярко-красным лаком. Маканина не уставала удивляться этой особенности – у Ксюши всегда все было аккуратно, и во внешности, и в одежде. Олеся никогда не видела, чтобы этот самый лак хотя бы разок облупился или был неровно положен.

Ксюша продолжала:

– Если бы он не стал размахивать бутылкой прямо перед носом у контролерши, мы бы прошли. А так – даже во дворец войти не успели. Развернули нас и путевку отобрали. Я подумала, если вы с Галкиным специально договорились, чтобы нам поездку испортить, то у вас все хорошо получилось. Ну, вроде как ты на нас обиделась...

– Что?

Слова Рязанкиной с трудом пробивались сквозь жар, в котором тонула реальность.

– Но знаешь, на будущее, – Ксюша склонилась ниже и перешла на шепот, – никто тебе этого Галкина не навязывал, ты сама согласилась с ним остаться. Поэтому никаких обид быть не должно. Устроишь такое еще раз, пеняй на себя!

– Что?

Голос у Ксюши был плавный, красивый, поэтому значение фраз до Олеси доходило не сразу, часть она прослушала, увлекшись самым звуком голоса. Совет «пенять на себя» вернул ее к реальности.

– Если у вас такое понимание, то пускай он с тобой сидит, что ли. – Ксюша выпрямилась. – Мы хотя бы последний день нормально проведем.

– А не пошли бы вы со своим Галкиным! – неожиданно громко воскликнула Олеся.

В классе наступила тишина.

– Эй, чего это опять – Галкин?

Голос Сереги перекрыл следовавшие за возгласом Олеси свистки и смешки.

– А что? – Рязанкина подняла невинные глаза. – У нас последний день остался, а мы его здесь просидим. И все из-за того, что кто-то кому-то лишнюю сотню отдал!

– Ну ладно. – Маленькие пухлые ручки Людмилы Ивановны так и порхали в воздухе. – Ты уже за всех все решила.

– Да уж, Ксюшенька, нехорошо получается, – в тон химичке заговорил Васильев. – Не стоит так отдаляться от товарищей. Нельзя ставить свои желания превыше коллективных!

– Ой, подумаешь, – покачала головой Рязанкина. – Как будто ты не хочешь того же, чего хочу я.

– Я! – вклинился Быковский, очаровательно улыбаясь. – Я хочу того же, что и ты. И я надеюсь, что наши желания совпадают...

Все снова захихикали.

– Трепло! – Ксюша рассерженно поджала губы, встала и последний раз посмотрела на Маканину: мол, я тебя предупредила. Олеся отвела глаза. Следовать советам Рязанкиной она не собиралась. Тем более все это был бред и ее большая фантазия, никто ни с кем ни о чем не договаривался и договариваться не собирается...

Вечер прошел спокойно, а на следующее утро все стали собираться в город. Ребята еще голосили на крыльце, когда в коридоре послышались знакомые шаги.

«Начинается», – мысленно вздохнула Олеся, припоминая, остались ли у нее деньги или та сотня была последняя.

– Как ты? – от двери спросил Серега.

– Уйди отсюда, – не открывая глаз, сквозь зубы прошипела Маканина. – Денег у меня нет, и сидеть я с тобой не буду! И вообще, ты меня уже достал за эти два дня.

Последнюю фразу она произнесла, сев в своем спальнике и с ненавистью глядя в лицо Галкину.

– Да ладно тебе! – замылся Серега, так и не решившись переступить порог класса. Его всегда уверенное наглое лицо сейчас было растерянным. До недавних пор Олеся считала, что эта эмоция Галкину не свойственна. – Я ж только так спросил. Может, чего надо?

– Ничего не надо! – Олеся откинулась обратно на подушку. Ух, от злости у нее даже температура начала падать.

Галкин ушел. Маканина прислушалась – за окном было тихо. То ли ребята уже отправились в автобус, то ли решили не комментировать возвращение Галкина.

Это надо же было – такое придумать! Они о чем-то договорились! Да с ним даже милиция договориться не может!

В коридоре вновь раздались шаги.

Если это опять Галкин, то она его убьет.

– Маканина, ты жива? – в дверь заглянул Быковский.

– А ты что здесь делаешь? – Олеся положила на место тапочек, который собиралась метнуть, если на пороге окажется Серега.

– Уже ничего.

Павел закрыл дверь. Олеся прислушалась к затихающим звукам. Порыв ветра ударил в окно, недовольно тренькнули стекла, по полу потянуло сквозняком, и вместе с ним пришла музыка.

Играли на пианино где-то далеко, этаже, наверное, на первом.

«Быковский, – догадалась Олеся, закрывая глаза. – М-да, романтика...»

Когда вечером все садились в поезд, Маканина была уже почти здорова.

Музыка на нее, что ли, так подействовала? Или два дня одиночества?

Глава третья

Записка с сюрпризом

Новая четверть в школе нехотя брала разгон. Неделя подходила к концу, и на класс посыпались контрольные.

– Не жизнь, а сплошной геморрой! – Васильев почесывал ручкой нос, быстро пролистывая страницы учебника, словно мог в такой обстановке что-нибудь прочитать. – А ты, Быковский, почему улыбаешься? Как будто тебе в голову программку вставили со всеми формулами по тригонометрии.

– Будь проще. – Павел, как всегда, был спокоен. – Бери пример с Галкина. Он ничего не знает, живет себе спокойно и не парится. Свою законную тройку или двойку Серега заработает, и его при любом раскладе переведут на следующий год. Сидоров от своих знаний позеленел весь. А толку? Оба они закончат школу и разбегутся по своим делам.

– Философ хренов! – Андрюха сегодня был не в духе.

Сидели мальчишки, как назло, рядом с Олесиной партой, и ей приходилось слушать их болтовню, хотя гораздо интереснее было наблюдать за тем, что происходит прямо перед ней. Там сидели Курбаленко с Сидоровым. Генка, как всегда, был занят своим «наладонником». К Лизе то и дело подходила Рязанкина и о чем-то негромко спрашивала. В ответ Курбаленко то утвердительно, то отрицательно мотала головой. И, если бы не вопли Васильева, можно было бы расслышать, о чем они говорят. Но Андрюха, как всегда, был громогласен. И только звонок смог перекрыть его нытье о неподготовленном задании.

– Тишина в классе!

Юрий Леонидович Червяков замер перед исписанной доской, с любовью посмотрел на ровные строчки формул и покосился на замерших подопечных.

– Что сидим? – нахмурился он, словно только что заметил ребят. – Работаем!

И привычно поддернул манжеты рубашки из-под рукавов пиджака.

Тридцать ручек одновременно опустились на листочки в клеточку и поставили цифру «1».

Первое задание.

Иксы, игреки и зеты замелькали перед глазами Олеси. Мысли о том, что в классе происходит нечто странное, не давали сосредоточиться на линейных уравнениях с двумя переменными.

Ох уж эти переменные... Да еще две. Все, как в задачке – есть Васильев, а рядом с ним – переменные: Рязанкина и Курбаленко. Кого только поставить на место « x », а кого – на место « y »?

– Маканина!

Олеся не сразу поняла, что зовут ее.

Как истинный двоечник, Галкин сидел в углу около окна. Записка от него совершила сложный путь через три пары рук и упала перед Олесей. Пока письмо плыло к ней, Маканина недовольно морщилась.

Серегины признания сейчас были совсем некстати.

«Оля! Помоги! Сергей Г.»

Как трогательно! После того дня, когда Олеся была вынуждена утихомиривать пьяного Галкина, в классе их постоянно сводили вместе. Сыпал двусмысленными шутками Васильев, не забывала позлобничать Курбаленко – мол, Олеся нашла себе новую подружку, Рязанкина понимающе хмыкала. Только Быковский молчал, словно тот день, когда все ушли и они оста-

лись в школе вдвоем, их с Олесей объединил. Да Сидоров все сидел, уткнувшись носом в свой «наладонник». «Мирские» дела его не волновали.

От окна послышалось покашливание.

С каких это пор Галкин озаботился своей успеваемостью? Раньше двойки за контрольные его не волновали. А теперь юношу на тройки потянуло?

Олеся глянула на свою многострадальную дробь, которая за последние пять минут не сократилась, а увеличилась, и неожиданно увидела, как ее можно решить.

«Ладно, Галкин, уговорил, – мысленно согласилась Олеся. – Пользуйся, пока я добрая».

Записка поплыла обратно. А перед ее носом упал очередной свернутый листок.

«Решила? Дай СПТ. А не устроить ли нам в субботу сейшн?»

Так, Курбаленко, наконец, вспомнила, что у нее есть подруга. «СПТ» на их тайном языке было банальное «списать». А отчего же Рязанкина ей не может помочь? Они вроде последнее время вместе держатся...

Олеся уже собралась отфутболить листок обратно с припиской «Спроси у К.», но последняя строчка заставила ее задуматься.

Вечеринка... Давно они что-то не собирались.

Она покрутила в руках записку. Стоит ответить...

– Маканина!

Юрий Леонидович Червяков, виновник нелицеприятного прозвища всего класса, стоял около парты и прожигал взглядом записку в руках Олеси.

Кулак ее произвольно сжался, скрывая листок в пальцах.

– Не прячь, не прячь. Что у тебя там? Дома заниматься надо, а не за мальчиками бегать! Показывай!

Смятая бумажка упала на парту.

– Ну и кто у нас урок алгебры перепутал с уроком русского языка? Кому сочинение написать захотелось?

Олеся встала, задев локтем свой листок с контрольной. Упал он в проходе, как раз рядом с ногой Курбаленко. Лиза понимающе кивнула. Возбужденный своей обличительной речью Червяков ничего не заметил.

– Там нет ничего. – Олеся смело смотрела в глаза учителю. – Мы о вечеринке договаривались.

Юрий Леонидович демонстративно долго разглядывал сначала сложенную записку, потом раскрыл ее и внимательно изучил корявые буквы.

– А вдруг это любовное послание? – притворно ахнул Васильев.

– Или секретный код от сейфа в швейцарском банке, – поддакнул Быковский.

Притихшие ребята довольно зашевелились.

– СПТ – это что? – с вездливостью следователя поинтересовался математик.

– Специальная пиротехника, – не раздумывая, выпалила Олеся. – Мы петарды запускать будем.

– И гранаты бросать, – тут же добавил Васильев.

Класс загудел.

– Ну-ну, – протянул Червяков, бросая записку на свой стол.

– А можно бумажку обратно? – набралась храбрости Маканина.

– Зачем она тебе? – Юрий Леонидович, казалось, ждал этого вопроса. – Ты же все узнала.

– Мне надо ответ написать. А пишут обычно на обороте.

– Нет уж, результат этого эпистолярного жанра я оставлю у себя, чтобы потом узнать, кто у вас в классе любит шифровки. А тебе – на, возьми листочек и пиши свой ответ.

– Спасибо. – От волнения руки у Олеси тряслись. – Я и так отвечу, что пойду.

Маканина на негнущихся ногах прошла к своему месту, подняла листочек с контрольной, встретила глазами с испепеляющим взглядом Курбаленко и упала на стул.

Над склоненными головами пронеслось дребезжание звонка.

– Ты это специально сделала, да? – бушевала Лиза на перемене. – Не могла незаметно записку открыть?

– Вы меня закидали этими записками! – не уступала ей Олеся. – Не успела я Галкину ответить, как твоя пришла.

– Ага! – В Лизиных глазах появился нехороший блеск. Если бы она была оборотнем, то это стало бы верным признаком того, что она сейчас превратится в волчицу. – Значит, Сереженьке ты ответила, а из-за моей записки целый спектакль закатила!

– Я – спектакль? – Маканина опешила. – Ничего себе заявы! Ты бы еще свою записку самолетиком по классу пустила и ждала, что никто ее не заметит.

– Если тебе Галкин дороже меня...

– Да никто не дороже...

– Ладно... – Казалось, Курбаленко от ярости сейчас задымится, как раскаленная сковорода.

– Что ладно? – Олеся тоже начала злиться. – Не нравится, спрашивала бы у Быковского, у него всегда все получается. Он вон какой везунчик...

Но Лиза уже уходила, возмущенно топя каблучками.

Когда Курбаленко скрылась на лестнице, Олеся вспомнила, что не привела главный аргумент. Списать-то Лиза успела! Но говорить об этом было уже поздно – второй раз затевать спор на эту тему не стоило.

Маканина крутанулась на пятках, чтобы вернуться в класс, и столкнулась с выходящим Галкиным.

«Его только не хватало!»

– Ну, это, спасибо, – пробасил он. – Это, с меня причитается...

– Засунь свое спасибо, знаешь, куда? – выпалила Олеся и испугалась. Она так никогда с Галкиным не разговаривала. А если он ответит? Или еще того хуже – драться полезет, вот разговоров-то потом будет...

Но Серега только хмыкнул и пошел прочь. Интересно, чему он был так рад? Хотя с его радостями все было понятно. Написал контрольную, уже счастье. По шее не получил – счастье вдвойне. Сам кому-нибудь накостылял – вся жизнь удалась.

Маканина заметила, что сидит, сжав кулаки. Она злилась. На весь свет. И, наверное, в первую очередь – на себя.

Курбаленко всю перемену делала вид, что Маканиной рядом нет. Ну и пусть дуется. «Муха злится на арбуз, что не лезет в брюхо».

Следующий урок прошел спокойно. Олеся только отметила, что исчез Галкин. Что-то она стала на него много внимания обращать. Не к добру это. Впрочем... После сегодняшнего скандала грех лишний раз не посмотреть в его сторону.

– Сидоров! Вот чем ты занимаешься в то время, когда весь класс решает задачу синтаксического разбора сложноподчиненного предложения?

Русичка застыла над Генкой, и Сидорову ничего не оставалось, как вытащить книгу из-под парты.

– Что у тебя там?

Маленькая худенькая учительница русского языка болезненно воспринимала малейшее невнимание на уроке. Сидорова она терпеть не могла. Пару раз он поймал учительницу на ошибках, к тому же постоянно спорил с ней о трактовке того или иного литературного образа. Один раз он встал и наизусть пересказал параграф из учебника о «Капитанской дочке» Пушкина, тем самым показав, что всю информацию русичка черпает оттуда. Учительница на него

обиделась, вкатила двойку и в очередной раз подняла на педсовете вопрос о Генкином переводе в старшие классы – там не было русского, а литературу вел другой учитель. Сидоров переходить отказался, а русичка с тех пор постоянно искала повод, чтобы как-то Генку задеть. Благо возможностей таких у нее было предостаточно – Сидоров совершенно не вписывался в школьную систему.

– Ну, и что там у тебя? – Она взгляделась в яркую некрасивую обложку книги. – Пелевина читаешь? Хорошо. А что у тебя с русским языком?

– Галина Георгиевна, – легко заговорил Генка. Он никогда не стеснялся учителей, не боялся их гнева или наказаний. – Синтаксический разбор предложения – это бесполезное занятие.

– Так, так, – закивала в такт его словам учительница. Мол, что ты еще придумал?

– Он только усложняет понимание основополагающих законов русского языка. К пунктуации разбор предложения не имеет отношения. А все эти придаточные – просто притянутая за уши система. Это все, конечно, интересно. В теории. Но к практике, извините, не применимо.

Васильев громко хохотнул.

– А я-то смотрю, у меня ничего не получается, – хлопнул он себя по лбу. – А это все из-за неприменимости!

– Высказался? – Галина Георгиевна грозно раздувала ноздри, сдерживаясь, чтобы не закричать. – Что же, в таком случае тему эту ты будешь проходить самостоятельно. – Генка с готовностью потянул к себе портфель. – В кабинете директора! Что за наглость! – пошла она по проходу к своему столу. – Совершенно страх потеряли. Ничего не боятся! Хамят в открытую! И это вместо того, чтобы учиться! Что стоишь? – повернулась она к Генке. – Вон из класса!

Сидоров какое-то время постоял на месте, с легкой улыбкой глядя в спину учительницы.

– «Вон из класса» – эллиптическое предложение в повелительной форме, – пробормотал он, пряча книгу в портфель. – Только это нам ничего не дает.

– Ты что! – зашептали Генке со всех сторон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.